

Предлагаем вниманию читателей воспоминания активного участника боев на Миусе, бывшего командира минометной роты 528-го стрелкового полка 130-й стрелковой дивизии Павла Тимофеевича Одинокова. Он гвардии капитан в отставке, член КПСС с июня 1943 года (принят в партию в районе Матвева Кургана), почетный гражданин города Зернограда, участвовал в освобождении Ростова-на-Дону и ряда районов области.

Мои друзья — минометчики второго батальона: чернявый, рослый Михаил Джигангиров, плотный, как камень, Михаил Стругач, с нежными девичьими чертами лица Алексей Белоусов и юркий, подвижный Александр Холдеев. Самый старший — я: мне двадцать лет. Им — по 18. Но все мы уже с боевым опытом, полученным в калмыцких степях. Бой в Ростове испытывал прочность нашей дружбы. Заветной мечтой каждого было дожить до Победы. Но до этого светлого дня дожили не все.

Когда по приказу старшего лейтенанта Гукаса Мадояна, возглавившего оборону ростовского вокзала, большая группа бойцов и командиров пошла на прорыв кольца окружения, вместе с ними пошли и мы — минометчики. Путь нам преградил сильный огонь из танка. Что делать?

— Я свалю этого зверя, — сказал Михаил Стругач. Он сказал это просто, как будто надо было свалить топором дерево, а не железный танк, изрыгающий смертельный огонь.

Михаил пробрался в горящее помещение вокзала и из окна второго этажа бросил в танк трофейную противотанковую гранату. Фашистского «зверя» он

ПАМЯТНЫЕ ДНИ

действительно свалил, но и сам не вернулся.

Возле одного из домов на Верхне-Гниловской меня опрокинуло взрывом. Я потерял сознание. Меня затащили в подвал бойцы Михаил Джигангиров, Алексей Белоусов и Александр Холдеев. Придя в себя, я услышал наверху частую стрельбу. По звуку определил: стреляют немецкие автоматчики. Прорыв оказался неудачным.

На помощь к нам пришли 14 февраля 1943 года главные силы, части 28-й армии. Ростов был взят.

После освобождения Ростова-на-Дону мы пошли дальше на запад. Бригада, в составе которой был и наш минометный взвод (меня назначили его командиром), с боями продвигалась в направлении Матвева Кургана, и вскоре мы вышли на миусский рубеж. Оборона гитлеровцев в этих местах располагалась по высотам и крутому правому берегу Миуса. Лишь в одном месте, в районе Шапошниково, Деми-

довка, Алексеевка наша оборона проходила по ту сторону Миуса, и мы сильно досаждали фашистам своим огнем. Они всячески пытались сбросить нас с

предела, что пока мы будем находиться в танке, для отвлечения фашистов будет производиться разведка боем, а по корректировочным данным откроют

высоты и выровнять свою оборону.

Наш взвод занимал участок в оврагах вблизи бумафабрики. В один из дней завязался сильный бой. Фашисты контратаковали позиции нашего батальона. Мы открыли заградительный огонь. Наши огневые точки засек враг и повел обстрел из тяжелых минометов. Взрывом опрокинуло миномет. Но мы опять поставили его на место. Александр Холдеев — волжанин из Астрахани, с перебитой рукой не покидал боя и одной рукой опускал мины в ствол. Осколком убило Алексея Белоусова, мастера огня, командира минометного расчета. Ранило Михаила Джигангирова. Потери были велики, но враг не прошел.

Вскоре я получил задание: ночью пробраться на нейтральную полосу, где стоял подбитый немецкий танк, и устроить в нем корректировочный пункт. Для успешного выполнения задания в мое распоряжение выделили радиста и сапера. Командир преду-

предил, что пока мы будем находиться в танке, для отвлечения фашистов будет производиться разведка боем, а по корректировочным данным откроют

огонь артиллерийские и минометные батареи и, наконец, «катюши». Едва забрезжил рассвет, ко мне приобыли радист и сапер. Познакомились. Память, к сожалению, не сохранила их фамилии. На рассвете мы были уже в танке. Дышать было трудно. Надели на себя противоголозы, которые, кстати, нашли здесь же, в танке.

Через минуту глаза мои расширились от удивления: в оптический прибор я отчетливо увидел траншеи, забытые фашистами.

Когда рассеялась дымка, радист передал наши первые данные о расположении противника и его огневых средств. Эти данные оказались точными. Первые мины упали прямо в расположение противника, затем стали кромсать до ты, заваливать траншеи землей. Чуть лозже огонь был перенесен на минометные батареи врага, на тыловую линию обороны. Враг всполошился, стал выдвигать резервы. Гитлеровское командование очевидно не решило, что вслед за

огнем последует наша атака. И тогда заговорили все наши батареи 122-миллиметровых минометов, а немного погодя открыла огонь артиллерия. Вся оборона противника покрывалась взрывами.

Батареи врага открыли ответный огонь. Но вскоре они были накрыты точными выстрелами наших орудий. Из глубины обороны показались танки и автомашины с автоматчиками. Мы дали коррективы. По технике врага пришлось плотный огонь «катюш», а затем появились наши самолеты — штурмовики «Илы» и довершили разгром врага.

Задачу мы свою выполнили блестяще. Но на последних минутах фашисты открыли сильный огонь по танку из дальнобойных орудий и противотанковых пушек. Мы уже покидали танк через аварийный люк, когда бронебойный снаряд прошел лобовую броню. В машине произошел сильный взрыв. Не успевшему покинуть танк радисту оторвало руку, и он потерял сознание. Мы оказали ему помощь и вместе поползли к своему переднему краю.

Вскоре от разведчиков стало известно, что огнем, который мы корректировали, была сорвана очередная попытка гитлеровцев сбросить нас с высоты.

П. ОДИНОВ,
ветеран Великой Отечественной войны, участник боев на Миусе.